

Ф. З. КАНУНОВА

Н. М. КАРАМЗИН В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ В. А. ЖУКОВСКОГО (1826–1827 гг.)

Переживаемый нами подъем интереса к личности и творчеству Карамзина, отмеченный новыми изданиями его сочинений, выходом ряда глубоких обобщающих исследований о нем и о русском сентиментализме,¹ — свидетельство огромного значения писателя, журналиста, историка в судьбе литературы и культуры своего Отечества.

Первый, кто это понял в полной мере, был В. А. Жуковский. Широко известны многочисленные признания поэта об огромном влиянии на него Карамзина, общественном, нравственном, художественном. «У меня в душе есть особенно хорошее свойство, которое называется *Карамзиным*: тут соединено все, что есть во мне доброго и лучшего».² Эти слова сказаны Жуковским в 1816 г., а через 10 лет, уже после кончины своего прославленного учителя, в «Конспекте по истории русской литературы»³ он счел необходимым объяснить русскому и зарубежному

¹ См., например: *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987; *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–606; *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994; *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994; *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995.

² *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 568.

³ *Жуковский В. А.* Неизданный конспект по истории русской литературы / Подгот. текста, предисл. и примеч. Л. Б. Модзалевского // Тр. Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1948. С. 283–294. Перепеч. в кн.: *Жуковский В. А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 317–326. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с пометой «Ж.» и указанием страницы.

читателю великое значение сделанного Карамзиным для русской культуры

Сейчас мы располагаем еще двумя документами эпохи, свидетельствующими о последовательном карамзинизме Жуковского и неприятии им любых попыток умаления или искажения исторического значения Карамзина. Это найденный нами на полях принадлежащего ему экземпляра шишковского «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» острый диалог-спор с А. С. Шишковым, в центре которого фигура Карамзина,⁴ и «Обзор русской литературы за 1823 год»,⁵ недавно обнаруженный в его бумагах и содержащий глубокую характеристику автора «Истории государства Российского». Все три названные работы связаны между собой такими проблемами истории и литературы, как проблема литературного языка, соотношения поэзии и прозы, просветительской миссии литературы, а также выдвиганием на первый план личности Карамзина.

1

Наиболее полно историко-литературная концепция Жуковского сформировалась в «Конспекте по истории русской литературы» (1826–1827) Здесь впервые в русской науке о литературе Жуковский намечает три четких периода ее истории: первый — от основания государства до Ломоносова, второй — от Ломоносова до Карамзина и третий — карамзинский. Критерий периодизации — уровень развития русского литературного языка, поэтического и прозаического.

Первый период «обнимает все время между основанием государства и Ломоносовым, который первый произвел переворот в русском языке» Здесь рассматриваются такие значительные памятники, как «Правда русская» времен Ярослава, «Слово о полку Игореве», народные песни, стихотворения Кантемира. В этом периоде, пишет Жуковский, «язык еще не приобрел никакой установившейся формы . . .» (К, 318)

Достаточно подробно Жуковский останавливается на содержании *второго* периода — «От Ломоносова до Карамзина»: говорит о Ломоносове, Сумарокове, Хераскове, Майкове, Княжнине и ряде других поэтов и прозаиков Отдавая должное Ломоносову, определившему новый период в русской литературе («гени-

⁴ Канунова Ф 3, Янушкевич А С Жуковский — читатель и критик А С Шишкова // Библиотека В А Жуковского в Томске Томск, 1978 Ч 1 С 105–122

⁵ Жуковский В А Эстетика и критика С 311–317

альный человек, создавший наш поэтический язык» — К., 318), Державину, именем которого Жуковский называет время «пробуждения гения и поэзии» (К., 318), он делает следующее резюме «Этот период обогатил поэтический язык и подготовил материал для прозы» (К., 321) Главная тенденция намеченного большого периода — создание почвы для Карамзина, открывшего «тайну» языка русской прозы С этой точки зрения он оценивает и литературно-общественную деятельность Новикова, который «способствовал тому, чтобы открыть Карамзину литературное поприще» (К., 321)

Именем Карамзина означен *третий* большой период русской литературы Его творчество исследуется Жуковским в движении, в эволюции от «Московского журнала» к «Истории государства Российского» Рассматривая литературную деятельность Карамзина как единую динамичную художественную систему, Жуковский выделяет *три* этапа его развития

«1 *Начало Редактирование „Московского журнала“*», в котором Жуковский выделяет ранние повести, «Письма русского путешественника», а также литературно-критические работы Карамзина Однако, «отмеченные печатью вкуса», эти произведения, по мнению Жуковского, «носят еще характерные черты молодости»⁶

Второй этап, когда по убеждению Жуковского, Карамзин достигает полного расцвета, связан с изданием «Вестника Европы» И несмотря на то, «что этот журнал не мог произвести того впечатления, какое вызвал первый, он имел *другое влияние*» Об этом другом, исключительном, влиянии карамзинского «Вестника Европы» в представлении Жуковского следует сказать специально

Прежде всего очень важно, что не нашумевшие повести «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь» теперь привлекают главное внимание Жуковского-романтика, достигшего пика в своем поэтическом развитии, а такие произведения, как «Моя исповедь», «Марфа Посадница», «Рыцарь нашего времени» Именно в них проза Карамзина достигает, по убеждению Жуковского, «истинного совершенства» (К., 322) В этих произведениях явно проявилась эволюция стиля его прозы и достаточно четко сформировались доминантные идеи его творчества, и прежде всего важнейшая из них — идея жизнестроения (В первую очередь в этом плане сле-

⁶ Это понимал и сам Карамзин, готовя для последующих изданий свои повести Он многое в их стиле перерабатывал, добиваясь большей повествовательной ясности, охотно сокращая «общие места», опуская иногда целые периоды, развернутые определения, цветистые сравнения (см об этом *Канунова Ф З Из истории русской повести* Томск, 1967 С 95–98)

дует говорить о «Рыцаре нашего времени» Это итоговое произведение, в котором синтезированы достижения Карамзина-прозаика за весь период его творчества).

Считая произведения Карамзина, напечатанные в «Вестнике Европы», вершинной точкой писателя, Жуковский утверждал их огромное влияние на мышление современников. Это в большой мере относилось и к «Рыцарю нашего времени», в котором был поставлен вопрос о характере русского дворянства, его судьбах, его гражданских и нравственных качествах. Проблема дворянства была для Карамзина (как и для Жуковского) существенной частью просвещения и преобразования России. Поставленными в центре романа проблемами общественного, нравственного, философского формирования личности Карамзин был близок Руссо. Это не мог не почувствовать Жуковский. Писатель создавал свой роман в атмосфере идей и образов Руссо. И можно не сомневаться, что мысль написать произведение об истории жизни человека, процессе формирования его нравственного мира, о «противоречиях его сердца» была подсказана Руссо.

Этот руссоизм Карамзина не мог не ощутить Жуковский, в эстетическом самообразовании которого Руссо сыграл роль совершенно особую. Библиотека Жуковского с документальной точностью свидетельствует, что уже в самом начале XIX века, немного времени спустя после выхода номеров «Вестника Европы» с «Рыцарем нашего времени», Жуковский, думается, не без влияния Карамзина взялся за фронтальное изучение Руссо.

Как уже указывалось нами, многочисленные пометы Жуковского на женевском издании собрания сочинений Руссо⁷ сосредоточены на проблеме личности, идеях формирования внутреннего мира человека, нравственного становления, формах художественного психологизма. Пристально читая романы и трактаты Руссо, Жуковский разделяет многие коренные черты его нравственной философии. Первоочередной обязанностью любого человека русский поэт считал сознательную и активную направленность его (человека) жизнедеятельности. В этом Жуковский был принципиально близок Карамзину. Еще в письме к Лафатеру двадцатилетний Карамзин говорит о своем стремлении разгадать загадку человека, его деятельности и ставит вопрос о свободе и необходимости в жизнедеятельности отдельного индивидуума: «Я захочу, и воля моя исполнится, но как она исполнится»⁸ Пройдет

⁷ См. Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1988. Ч. 2. С. 229–337, Ч. 3. С. 17–138.

⁸ Переписка Карамзина с Лафатером // Сб. Отдела русского языка и словесности имп. Акад. наук СПб., 1893. Т. 4, № 5. С. 1.

некоторое время, и Карамзин в понимании этой проблемы подойдет к Руссо. Пиком интереса к великому женеvcу явится «Вестник Европы», что не могло пройти мимо внимания Жуковского.

С другой стороны, Жуковский шел от Карамзина и в своей полемике с Руссо. Очень близка их реакция на первый трактат «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» Опубликованная в «Аглае» (1791. Ч. 1) статья Карамзина «Не-что о науках, искусствах и просвещении» родственна оценке Жуковского. Карамзин, а вслед за ним и Жуковский в полемике с Руссо отстаивают просветительство как основное средство переустройства общества. Разделяя мысль Руссо о неистребимости в душе человека нравственного инстинкта, который предопределяет внутреннюю свободу личности и нуждается в развитии, Карамзин, так же как и Жуковский, не склонен уже идеализировать «естественную натуру» первобытного человека. Идя от Карамзина, в своем восприятии «Эмиля» поэт полемизирует с его концепцией «естественного человека» Руссо как изолированной, замкнутой в себе монады.⁹

У Жуковского, особенно в 1820-е гг., уже отчетливо складывается концепция личности, во многом определяющая его эстетику. Человек для него существо активное, обладающее свободой нравственного выбора, а тем самым способное к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственное перед собою и другими людьми, но в то же время внутренне противоречивое.¹⁰

Это понимание, сформировавшееся под влиянием Карамзина, во многом объясняет высокую оценку Жуковским «Вестника Европы». Таким образом, центральная идея романтизма Жуковского — идея жизнестроения, переданная им как эстафета последующей русской литературе и русским писателям от Пушкина до Толстого, возникла в результате глубокого взаимодействия нравственно-философских и эстетических идей Жуковского и Карамзина.

2

Говоря о «Вестнике Европы» как о «вершинной точке» Карамзина, Жуковский обращает большое внимание на общественно-политическое направление журнала Карамзина: «Его рассуждения на некоторые современные политические предметы и на некоторые моральные темы являются образцами в своем роде» (К., 322).

⁹ Библиотека В А Жуковского в Томске. Ч. 3 С. 83 и сл.

¹⁰ См. *Канунова Ф З* Вопросы мировоззрения и эстетики В А Жуковского (по материалам библиотеки поэта) Томск, 1990 С. 32

При всем его широком европеизме Карамзин для Жуковского всегда был образцом писателя-патриота, озабоченного судьбами своей родины. Проблемы государственного устройства России, путей ее прогрессивного развития — в центре внимания Карамзина.¹¹ Весьма значительна с этой точки зрения последняя историческая повесть Карамзина «Марфа Посадница». Ее главной общественной идеей, как нам представляется, является прошедшая через многие исторические и общественно-политические исследования Карамзина мысль о трагической обреченности республиканизма и революционности в России, о трагической бессмысленности жертвы Марфы Борецкой. Эта идея, как известно, тесным образом связана с раздумьями Карамзина о результатах Французской революции, проблемы которой постоянно освещались на страницах «Вестника Европы». В первом «Всеобщем обозрении» Карамзин пишет: «Французы хотели прежде мечтательного равенства, которое делало их всех равно несчастливими».¹² Об этом же говорил Карамзин и в своем историческом «Похвальном слове Екатерине II»: «Мое сердце не менее других воспламеняется добродетелью великих республиканцев, но сколь кратковременны блестящие эпохи ее?»¹³

Спасительной для России Карамзин утверждал просвещенную монархию, считая, что лучше повиноваться законам под единым властелином, нежели угождать многим «всякое многосложное правление, основанное на действии различных волей, будет вечным раздором, а народ несчастным орудием некоторых властолюбцев» (8, 40).

Жуковский глубоко разделял общественно-политические взгляды своего учителя и наставника. Думая постоянно и напряженно о судьбе Отечества, отдав многие лучшие годы воспитанию наследника российского престола, он внимательно изучал опыт Французской революции,¹⁴ смотрел на нее как на грозное предупреждение России. В замечаниях Жуковского на рассуждения Руссо о проекте аббата де Сен-Пьера «О вечном мире» чита-

¹¹ См его статьи «Всеобщее обозрение» (Вестник Европы 1802 № 1), «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (там же № 2), «Падение Швейцарии» (там же № 20), «О любви к Отечеству и народной гордости» (там же № 4).

¹² Вестник Европы 1802 № 1 С 78.

¹³ Карамзин Н М Собр соч СПб, 1834 Т 8 С 40. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

¹⁴ Янушкевич А С В А. Жуковский и Великая Французская революция // Великая Французская революция и русская литература Л 1990 С 106–142.

ем «Теперь только, когда Бонапарте рухнул, можно судить, сколь великим уроком, пробуждающим жизнь, был урок французской революции» Этот урок, по убеждению Жуковского, направлен к тому, «чтобы сделать революции невозможными»¹⁵

Несмотря на определенный утопизм мысли Жуковского, его историко-культурная концепция, принципиально близкая Карамзину, означала важнейшую национальную перспективу и заключалась в пропаганде пути эволюционного нравственного развития под эгидой просвещенного монарха. Вот почему весь цикл статей Карамзина «на политические темы», по убеждению Жуковского, «имел большое влияние на мышление современников» (К, 322)

Осуждение революции и признание спасительной для государственного устройства России просвещенной монархии было горячо воспринято Жуковским и в начале XIX века, и в 1826–1827 гг., когда он писал свой «Конспект» и говорил о «*карамзинском периоде русской литературы*»

3

Третий период деятельности Карамзина Жуковский связывает с «Историей государства Российского» В высочайшей оценке этого произведения Жуковский был последователен «Мы имеем одну только классическую книгу в прозе, которую с гордостью можем поставить наряду со всеми лучшими произведениями всех веков и народов,— это История Карамзина Он открыл нам тайну языка, но никто еще не умеет пользоваться ею»,— пишет он в «Обзоре русской литературы за 1823 год»¹⁶ В «Конспекте» Жуковский настойчиво повторяет сказанное «Эта „История“ как литературное произведение — клад поучений для писателей Они найдут там и тайну того, как надобно пользоваться своим языком, и образец того, как следует писать большое произведение < > после него пишут с большей правильностью, но его искусство осталось тайной» (К, 322)

О внутренней связи Карамзина и Жуковского как историков мы говорили специально¹⁷ Здесь уместно напомнить лишь о том, что в центре острой полемики Н Полевого (на страницах его «Истории русского народа») по поводу «Истории» Карамзина был

¹⁵ Библиотека В А Жуковского в Томске Ч 3 С 65

¹⁶ Жуковский В А. Эстетика и критика С 311

¹⁷ Канунова Ф З Карамзин и Жуковский (Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки Жуковского) // XVIII век Л, 1988 Сб 16 С 138

вопрос о художественности «Истории государства Российского». В своем введении Полевой скептически относится к мысли Карамзина о том, что главное достоинство истории он видит в «красоте и силе повествования» (слова Карамзина). «Всякая история хороша,— парирует Полевой,— если она и не красноречиво написана». «Нет,— возражает Жуковский на полях «Истории» Полевого,— если историк этого не умеет, то для кого он трудится?»¹⁸ Главное достоинство «Истории» Карамзина в том, что это «золотые россыпи, которые открыты для национальной поэзии» (К., 325). Как уже указывалось нами, именно в связи с «Историей государства Российского» Жуковский вплотную подошел к понятию «история — искусство», которое через 40 лет сформулирует Л. Толстой. Метод Карамзина-историка, синтезировавшего научное, историческое и художественное, был чрезвычайно дорог Жуковскому — поэту и мыслителю.

Внимательно следит Жуковский за живым литературным процессом, с которым он был органично связан. Выделяя в своем «Конспекте» ряд современных писателей (Грибоедова, Дельвига, Языкова, Баратынского и т. д.), он весьма скромно говорит о собственных заслугах. Считая себя, как и Батюшкова, «учеником Карамзина», «не достигшим искусства своего учителя» (К., 323), Жуковский видит свою роль в том, «что он привнес кое-что в поэтический язык, выражая в своих стихотворениях некоторые понятия и чувства, которые были новыми <...> он не произвел значительного переворота» (К., 324). Не имея возможности широко прокомментировать эти емкие слова поэта, отметим главное для нас сейчас: Жуковский настаивал на своей принадлежности к карамзинскому периоду.

4

Специального внимания заслуживает отношение Жуковского к Пушкину, как оно выражено в его историко-литературном труде 1826 г.

«История государства Российского», по мнению Жуковского, «заканчивает предыдущий период и передает свои характерные черты новому, третьему, периоду», который, по словам поэта, находится «еще в цветении и представителем которого является Пушкин». «Уже есть писатель,— пишет Жуковский,— который подает надежды сделаться его представителем. Это — молодой Пуш-

¹⁸ Канунова Ф. З. Карамзин и Жуковский: (Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки Жуковского) // XVIII век. Л., 1988. Сб. 16. С. 138.

кин, поэт, который достиг уже высокой степени совершенства в смысле стиля, который одарен оригинальным и творческим гением» Взлет творческого гения Пушкина Жуковский связывает с «Историей» Карамзина — важнейшим материальным и поэтическим источником «Бориса Годунова», на что Жуковскому указывал сам Пушкин, говоря о работе над своей трагедией¹⁹

Опубликовавший впервые этот замечательный «Конспект» Л Б Модзалевский выразил недоумение в связи с тем, что Жуковский не дает развернутой характеристики целого ряда других, уже хорошо ему известных и высоко оцененных им произведений Пушкина (например, «Руслана и Людмилы», кавказских поэм, первых глав «Онегина» и др) «Если для Карамзина,— пишет Л Б Модзалевский,— у Жуковского нашлось достаточно места и характеристик, то в сравнении с ними характеристика творчества Пушкина поражает своей ограниченностью»²⁰

Между тем это соответствует общей тенденции исторического труда Жуковского Из многих произведений Пушкина, которым он дал очень высокую оценку, Жуковский выделяет то, что непосредственно связано с Карамзиным и в чем поэт ожидал увидеть развитие идей автора «Истории государства Российского»

Своеобразный карамзиноцентризм историко-литературной концепции Жуковского глубоко мотивирован не только заслугами Карамзина перед русской литературой и культурой Одновременно важно подчеркнуть и другое Настаивая на центральном месте Карамзина в истории русской литературы, Жуковский на первый план выдвигает высокий нравственный потенциал его личности, сфокусированный в его творчестве В своих письмах к Пушкину, преклоняясь перед его гением, Жуковский настойчиво повторяет одну и ту же мысль о важности для писателя «нравственного величия» (см письма от 12 ноября 1824 г, 12 апреля 1826 г²¹ и др)

И Жуковский, и Пушкин преклонялись перед нравственным подвигом Карамзина, впервые представившего русскому читателю те идеи жизнестроения, «самостоянья человека» и самовоспитания, тот пафос общественности, которые определяют суть твор-

¹⁹ Например, в письмах от 17 августа и 6 октября 1825 г В первом он пишет «Трагедия моя идет и думаю к зиме ее кончить, вследствие чего читаю только Карамзина да летописи — что за чудо эти два последние тома Карамзина! Какая жизнь!» (Письма А С Пушкина / Под ред Л Б Модзалевского Л, 1926 Т 1 С 155)

²⁰ Тр Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) С 296

²¹ Пушкин А С Полн собр соч [Б м], 1937 Т 13 С 120, 271 и др

чества крупнейших писателей XIX века — от Жуковского и Пушкина до Толстого, Достоевского, Чехова.

Взлет интереса к Карамзину, который мы переживаем сегодня, объясняется не только закономерным стремлением воздать должное большому русскому писателю, творчество которого недооценивалось на протяжении многих лет. Но главным образом это связано с острой современностью гуманистических идей Карамзина, выстраданных им мыслей о путях обустройства России, нравственного восхождения и государства, и каждого отдельного человека.

Актуальность самой проблемы Карамзина объясняется дефицитом благородной человечности, культуры переживаний, самовоспитания, душевной тонкости, для выражения которых Карамзин создал особый язык и которые в высшей мере воплотил в своей личности. Это прекрасно понимал Жуковский и сформулировал свое понимание в глубокой концепции русской литературы.